Неестественные причины

Автор:
Филлис Джеймс

Неестественные причины

Филлис Дороти Джеймс

Адам Дэлглиш #3

Маленькая колония литераторов потрясена чудовищным убийством. В лодке, прибитой к берегу, найден труп знаменитого автора детективных романов.

Многоопытный следователь Адам Дэлглиш, приехавший погостить к своей тетушке, вынужден начать расследование. Вскоре он приходит к неожиданному выводу: каждому обитателю колонии есть что скрывать. Дэлглиш должен раскрыть жестокое преступление, иначе таинственный убийца нанесет новый удар…

Филлис Джеймс

Неестественные причины

P. D. James

UNNATURAL CAUSES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

© P. D. James, 1967

© Перевод. А. Ю. Кабалкин, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Книга первая

Суффолк

1

Тело без рук лежало на дне маленькой шлюпки, качавшейся на волнах недалеко от суффолкского берега. Труп мужчины средних лет облегал саваном темный полосатый костюм точно по фигуре. Туфли ручной работы сохранили блеск, не считая легких потертостей на носках, выпирающий кадык был подперт шелковым галстуком. Этот мореплаватель поневоле оделся перед смертью для выхода в город, позаботившись о каждой мелочи. Уплыть в одиночку в открытое море не входило в его планы. Тем более погибнуть.

Остекленевшие глаза отражали редкостной голубизны октябрьские небеса с подгоняемыми юго-западным ветром клочками облаков. Северное море мерно покачивало дощатую скорлупку без мачты и уключин, отчего голова мертвеца поворачивалась то вправо, то влево, как в беспокойном сне. Лицо мужчины, непримечательное и при жизни, после смерти приобрело прискорбную бессодержательность. Ветерок шевелил над шишковатым лбом редкие светлые волосенки; нос был таким узким, что острая белая кость грозила прорвать кожу; в маленьком разинутом рте с тонкими губами белели два выступающих передних зуба, отчего мертвец походил на зайца, позволившего себе перед смертью презрительную усмешку.

Застывшие в смертной судороге ноги находились по одну сторону от кожуха выдвижного киля, обрубки рук покоились на банке. Кистей не было, как и луж крови: только черные запекшиеся полоски на поросших светлым волосом локтях и пятна на банке – похоже, она послужила колодой для отрубания кистей. И больше никаких следов крови на теле и в шлюпке.

Правую руку обрубили чисто, о чем свидетельствовала белизна лучевой кости; с левой рукой вышло хуже: обрубок заканчивался ошметками плоти с острыми, как иглы, костяными обломками. Перед рубкой рукава пиджака и манжеты рубашки закатали; золотые запонки с инициалами повисли и, медленно вращаясь, отражали лучи осеннего солнца.

Выцветшая шлюпка с шелухой облезающей краски на бортах смотрелась в пустынном море как брошенная игрушка. Одиночество картины нарушал лишь причудливый силуэт каботажного судна, державшего курс на Ярмут. В два часа дня небо пересекла в направлении суши черная точка, тянувшая за собой облачный шлейф, и воздух взорвался от рева двигателей. Рев стих – и снова воцарилась тишина, нарушаемая плеском воды о борта шлюпки и редкими криками чаек.

Внезапно шлюпка содрогнулась, медленно завращалась и, словно подхваченная течением, стала приближаться к берегу. Черноголовая чайка, легко спланировавшая на нос шлюпки и застывшая там, как скульптура над водорезом, недовольно вспорхнула и с возмущенным криком закружила над телом. Шлюпка медленно, но неумолимо несла к берегу сквозь пену прибоя свой страшный груз.

2

В два часа пополудни того же дня старший инспектор Адам Дэлглиш медленно въехал на своем автомобиле «купер-бристоль» на поросший травой холм и через минуту вошел в северный придел церкви Блитберга, одной из красивейших в Суффолке, встретившей его холодной серебристой белизной. Он ехал на мыс Монксмир, что к югу от Данвича, чтобы провести десятидневный осенний отпуск с незамужней тетушкой, единственной своей еще живущей родственницей. Блитберг стал его последней остановкой. Адам Дэлглиш покинул свою лондонскую квартиру до того, как город проснулся, и вместо того, чтобы направиться на Монксмир напрямик, через Ипсвич, двинулся на север, через

Челмсфорд, чтобы въехать в Суффолк через Садбери. После завтрака в Лонг-Мелфорде он повернул на запад и, миновав Лейвенхэм, медленно покатил по избежавшему загрязнения и вульгарного приукрашивания графству, любуясь зеленью и золотом пейзажей. Настроение у него было бы под стать этому чудесному деньку, если бы не постоянное беспокойство. Дэлглиш сознательно тянул до отпуска с важным шагом в личной жизни. До возвращения в Лондон ему предстояло решить, делать ли предложение Деборе Риско.

Вопреки логике решение принималось бы легче, если бы он заранее не знал, каким будет ее ответ. На нем полностью лежала ответственность, менять ли нынешний удобный статус-кво (по крайней мере удобный для него; с тем, что Дебора теперь счастливее, чем год назад, можно было поспорить) на обязательство, которое для обоих станет бесповоротным независимо от исхода. Мало какие пары так несчастливы, как те, которые из гордости не признаются в своем несчастье. Кое-какие опасности были ему известны. Адам знал, что его работа внушает Деборе неприязнь, даже ненависть. Неудивительно и даже само по себе не важно. Работа – его выбор, и он никогда ни от кого не требовал одобрения или поощрения. Однако страшно было представить, что любую задержку на работе, любую непредвиденную случайность впредь придется предварять извиняющимся телефонным звонком. Прохаживаясь под восхитительными балочными сводами церкви и вдыхая типичное англиканское сочетание ароматов – мастики, цветов и ветхих молитвенников, – Адам подумал, что получил то, чего желал, именно в тот момент, когда заподозрил, что больше этого не хочет. Столь банальная развязка не могла надолго расстроить умного человека, разве что ненадолго вывести из равновесия. Его пугала не утрата свободы; больше всего причитают по этому поводу как раз наименее свободные. Гораздо труднее было смириться с потерей независимости. Принять расставание с физической приватностью и то было нелегко. Поглаживая резной аналой пятнадцатого века, Адам пытался представить жизнь в квартире в Куинхите нос к носу с Деборой, превратившейся из нетерпеливо ожидаемой гостьи в часть его жизни, законную, сертифицированную ближайшую родню…

Неудачный момент решать личные проблемы! В Скотленд-Ярде произошла крупная перетряска с неизбежным нарушением устоявшихся связей и рутины, вызвавшая поток слухов и жалоб. Работы, правда, меньше не стало. Большинство начальствующего состава трудилось теперь по четырнадцать часов в сутки. Его последнее дело, успешно раскрытое, было особенно утомительным. Расследование убийства ребенка превратилось в охоту на человека – именно в то, чего Адам терпеть не мог и для чего менее всего

подходил по характеру: это была упорная проверка фактов на виду у прессы, в обстановке ужаса и истерии, охвативших округу. Родители ребенка вцепились в него, как утопающие в спасателя, свою последнюю надежду, и он до сих пор почти физически ощущал тяжесть их безутешности и вины. Адам должен был выступать одновременно утешителем и отцом-исповедником, мстителем и судьей. Ничего нового в этом для него не было. Он не чувствовал личной вовлеченности в их горе и был, как всегда, силен как раз этой отстраненностью, подобно тому, как многие его коллеги, столкнувшись с таким же преступлением, были бы сильны именно противоположным – яростным, самозабвенным сопереживанием. Однако его все еще не отпускало напряжение того дела, и осенним ветрам Суффолка предстояло изрядно потрудиться, чтобы изгнать из памяти Адама тягостные картины. Ни одна благоразумная женщина не могла ожидать от него предложения руки в разгар подобного расследования; вот и Дебора ничего подобного не ждала. То, что он нашел время и энергию, чтобы за несколько дней до ареста подозреваемого закончить вторую книгу стихотворений, не подлежало обсуждению. Ужас мешал ему признаться даже себе, что сомнительный талант может служить извинением эгоизму и инерции. В последнее время Адам был недоволен собой, и надеяться, что отпуск пойдет ему на пользу, не следовало.

Через полчаса он осторожно закрыл за собой тяжелую дверь церкви и проделал последние несколько миль до Монксмира. Адам предупреждал тетю в письме, что приедет примерно в половине третьего, и теперь понимал, что скорее всего успеет. Если тетя выйдет в это время из дома, то увидит на мысу приближающийся «купер-бристоль». Он с любовью представлял ее высокий угловатый силуэт у калитки. В истории ее жизни не было ничего необычного, и Адам угадывал ее содержание по неосторожным обмолвкам матери, частично просто знал как факт собственного детства. Ее жених погиб в 1918 году, всего за полгода до перемирия, когда она была еще молоденькой девушкой. Мать, хрупкая избалованная красавица, стала худшей женой, какую только можно было придумать, для эрудированного сельского священника, – она сама часто в этом признавалась, полагая, что откровенность послужит оправданием и извинением очередному приступу ее эгоизма или эксцентричности. Она терпеть не могла зрелище чужого горя, хотя бы на время делавшее других интереснее ее; к гибели молодого капитана Мескелла отнеслась серьезно. Каким бы тяжелым ударом это ни стало для ее чувствительной, необщительной и довольно неуживчивой дочери, ни у кого не должно было возникнуть сомнения, что мать страдает еще сильнее. Через три недели после похоронной телеграммы она умерла от инфлюэнцы. Вряд ли в ее планах было заходить так далеко, но подобный результат пришелся бы ей по душе. Безутешный муж

за одну ночь забыл про раздражение и тревоги своего брака, сохранив в памяти только ее жизнерадостность и красоту. О том, чтобы он снова женился, и подумать было нельзя, и он оправдал ожидания. Джейн Дэлглиш, о трагедии которой всем теперь было недосуг вспоминать, заняла место скончавшейся матери и оставалась хозяйкой в доме отца, приходского священника, до его выхода на пенсию в 1945 году, а потом еще десять лет, до самой его смерти. Она была очень умна, и если ее даже не устраивала никогда не менявшаяся рутина домашних хлопот и приходских дел, предсказуемая и неизбежная, как литургический год, ни разу об этом не обмолвилась. Ее отец был настолько уверен в высочайшей важности собственного призвания, что ему не приходило в голову считать излишними чьи-либо усилия на том же поприще. Джейн Дэлглиш заслужила среди прихожан уважение, но не любовь, делала все, чего от нее требовал долг, и находила утешение в изучении жизни пернатых. После смерти отца опубликованные ею работы, опиравшиеся на тщательные наблюдения, принесли ей кое-какую известность; со временем то, что приход снисходительно именовал «маленьким хобби мисс Дэлглиш», превратило Джейн в одного из самых уважаемых орнитологов-любителей. Пять лет назад она продала свой домик в Линкольншире и приобрела «Пентландс», каменный коттедж на краю мыса Монксмир. Здесь Дэлглиш и навещал ее два раза в год.

Это были не просто обязательные визиты, хотя он ощущал бы за тетю ответственность, не будь она настолько самодостаточной, что порой бывало стыдно проявлять к ней даже тепло, выглядевшее оскорблением. При этом их теплые чувства были взаимными, о чем знали оба. Он уже предвкушал встречу с тетей, как и гарантированное удовольствие от отдыха на Монксмире.

В широком очаге будут полыхать подобранные на берегу и высушенные ветки, распространяя аромат на весь дом. Кресло с высокой спинкой перед камином некогда стояло в кабинете его отца, в доме викария, где он появился на свет, и кожаная обивка пахла детством. Адама ждала спальня со спартанской обстановкой, в окно которой можно было любоваться морем и небом, удобная, хоть и узковатая, кровать с простынями, слегка пахнущими древесным дымком и лавандой, вдоволь горячей воды и длинная ванна, где высокий мужчина мог растянуться во весь рост. Сама тетка тоже была высокая, и ее представление об удобстве было вполне мужским. Его встретит чай у камина и горячие тосты с маслом и с мясом. А главное, никаких трупов, даже разговоров о них! Адам подозревал, что Джейн Дэлглиш находит его выбор профессии странным: вряд ли она считала достойным умного человека зарабатывать на жизнь поимкой убийц, к тому же была не из тех, кто изображает вежливый интерес к не занимающему его предмету. Джейн не требовала от племянника ничего,

даже привязанности, а потому была единственной на свете женщиной, в обществе которой ему было по-настоящему спокойно. Он точно знал, что преподнесет ему этот отпуск. Они будут гулять вдвоем, часто молча, по влажной полосе плотного песка между пеной прибоя и намытым волнами галечным гребнем. Адам взвалит на себя ее принадлежности для рисования, а Джейн опередит его и, грея руки в карманах жакета, станет высматривать неразличимых на гальке пташек-каменок и следить за полетом крачек и ржанок. Спокойствие, отдохновение, полное отсутствие обязательств; по прошествии десяти таких дней он вернется в Лондон полным сил.

Теперь Адам ехал через лес по дороге, обсаженной стараниями лесного ведомства темными елями. Ему не терпелось почувствовать запах моря: привкус соли привлекал его больше, чем горький запах хвои. Он все больше воодушевлялся, как ребенок, возвращающийся домой. Лес закончился, густая зелень елей сменилась мазками цвета морской волны – полями с оградой из колючего кустарника. Потом и поля остались позади, и дорога запетляла среди утесника и вереска пустошей, предварявших Данвич. Достигнув деревни, Адам свернул направо и стал медленно въезжать на холм, минуя стену разрушенного францисканского монастыря, как вдруг раздался автомобильный гудок, и мимо пронесся обогнавший его «ягуар». Над темноволосой головой взметнулась в знак приветствия рука, и машина с прощальным гудком скрылась за поворотом. Оливер Лэтэм, театральный критик, прикатил на уик-энд к себе в коттедж. Дэлглиша это ничуть не огорчило: Лэтэм приезжал в Суффолк не для общения. Как и другой ближний сосед, Джастин Брайс, он использовал свой коттедж как убежище от Лондона, а то и вообще от людей, хотя наведывался на Монксмир реже Брайса. От одной-двух встреч с Лэтэмом у Дэлглиша осталось впечатление какого-то беспокойства, напряжения – качеств, которые не устраивали его и в собственном характере. Лэтэм был известен любовью к гоночным автомобилям и к быстрой езде, и Дэлглиш подозревал, что ему приносит облегчение именно дорога до Монксмира и обратно. Непонятно, зачем ему нужен коттедж. Он бывал здесь редко, никогда не привозил сюда своих женщин, не пытался обставить и обжить дом и использовал его как стартовую точку для поездок с ветерком по округе – иррациональных, с оттенком безумия, явно служивших эмоциональной разрядкой.

Увидев на изгибе дороги коттедж «Розмари», Дэлглиш прибавил скорость. Надежды проскочить незамеченным не было. Проносясь мимо коттеджа, он успел заметить лицо в окне верхнего этажа. Что ж, этого следовало ожидать. Селия Колтроп возомнила себя старейшиной маленького сообщества

на Монксмире и присвоила себе ряд обязанностей и привилегий. Если ее соседи по оплошности не уведомляли ее о перемещениях, не говоря о гостях, то она была готова взять выяснение происходящего на себя. Острый слух улавливал приближение машин, а расположение ее коттеджа – перекресток проселка, петляющего по пустоши, и дороги из Данвича – позволяло ничего не упускать из виду.

Мисс Колтроп приобрела строение под названием «амбар Броуди» и переименовала его в коттедж «Розмари» двенадцать лет назад. Дом достался ей по дешевке после аккуратного, но неослабного нажима и был затем – опять за сходную цену – превращен из обветшалого каменного форпоста в романтический идеал ее читательниц. Он часто красовался в женских журналах, расхваливался как «очаровательное суффолкское обиталище Селии Колтроп, где она сочиняет в безмятежной сельской обстановке захватывающие любовные истории, столь любимые ее читательницами». Коттедж «Розмари» был верхом комфортабельности, а также вычурности и безвкусицы; снаружи он выглядел именно таким, каким полагалось быть, с точки зрения владелицы, деревенскому домику: соломенная крыша (поглощавшая удручающую уйму денег на страховку и содержание), искусственный прудик (летом источавший зловоние), голубятня (голуби этот насест упорно избегали). На прилизанной лужайке «писательское сообщество» – фраза Селии – летом пило чай. Сначала Джейн Дэлглиш среди приглашенных не числилась, и не потому, что не объявляла себя писательницей. Просто она была одинокой престарелой старой девой, то есть, по шкале ценностей мисс Колтроп, социальной и сексуальной неудачницей, заслуживавшей лишь снисхождения.
Но со временем мисс Колтроп открылось, что ее соседку считают незаурядной люди, достойные выносить суждения, и мужчины, наведывающиеся в нарушение правил добропорядочности к соседке в «Пентландс» и с удовольствием гуляющие по морскому берегу в ее обществе, сами заслуживают уважения. Этим открытия не исчерпывались. Однажды Джейн Дэлглиш видели даже в «Прайори-Хаус», резиденции Р. Б. Синклера. Не все почитатели трех больших романов Синклера, последний из которых был написан тридцать лет назад, знали, что он еще жив, разделить же с ним трапезу удавалось совсем уж немногим счастливчикам. Мисс Колтроп была не из тех, кто упорствует в своих заблуждениях: мисс Дэлглиш мигом превратилась в «дорогую Джейн». Сама она продолжала называть соседку «мисс Колтроп» и понятия не имела, что та сменила гнев на милость, – как не знала прежде, что вызывала у той гнев. Дэлглиш так и не разобрался, как она относилась к Селии. Она мало говорила о соседях, а в обществе друг друга две женщины оказывались так редко, что у него не появлялось оснований для самостоятельного вывода.

Проселок, ведший через Монксмирскую пустошь к коттеджу «Пентландс», пролегал в полусотне ярдов от коттеджа «Розмари». Обычно он был перегорожен тяжелыми воротами, но сегодня их створки распахнули настолько широко, насколько позволяла высокая живая изгородь по бокам – кусты ежевики и бузины. Машина запрыгала по кочкам и по стерне, потом въехала в траву и в папоротники. Дэлглиш миновал одинаковые каменные домики Лэтэма и Джастина Брайса, не увидев их самих, хотя о присутствии хозяев свидетельствовали «ягуар» Лэтэма у двери и дымок из трубы Брайса. Немного вверх – и его взору предстал весь пурпурно-золотистый мыс в обрамлении скал и сияющего моря. На вершине холма Дэлглиш заглушил мотор и прислушался. Осень не являлась его любимым временем года, но мгновения блаженства, последовавшие после того, как затих мотор, он бы не променял ни на какое весеннее буйство природы. Вереск уже начал увядать, зато утесник, зацветший во второй раз, был таким же густым и золотистым, как в мае. Внизу простиралось море, все в пурпурных, лазоревых и бурых штрихах, а на юге раскинулись затянутые туманом болота птичьего заповедника, похожие сверху на зеленовато-голубую заводь. Аромат осени – смесь запахов вереска и дыма – ни с чем нельзя было спутать.

Дэлглиш поразился тому, что в действительности перед ним раскинулось поле нескончаемого сражения моря и суши, в котором первое неуклонно брало верх, тому, что обманчивое спокойствие воды скрывает девять утонувших церквей старого Данвича. Сейчас на мысу располагались несколько домов, все нестарые. Севернее можно было разглядеть низкие стены «Сетон-Хауса», казавшиеся издали наростом на краю скалы. Автор детективных романов Морис Сетон слепил себе это гнездо для экстравагантной отшельнической жизни. В полумиле к югу угадывался квадрат «Прайори-Хауса», последнего бастиона, сдерживающего наступление моря, а на самой границе птичьего заповедника, словно на краю пустоты, повис коттедж «Пентландс».

Вглядываясь в мыс, Дэлглиш увидел конную повозку, бойко двигавшуюся среди утесника, фигурку на облучке и тоненький, как волшебная палочка, хлыст. Это была, видимо, экономка Р. Б. Синклера, возвращавшаяся домой с продуктами. Зрелище было до того уютное, домашнее, что Дэлглиш провожал повозку взглядом, пока ее не поглотили деревья, окружавшие «Прайори-Хаус». В следующее мгновение его тетя вышла из коттеджа и тоже устремила взгляд на мыс. Дэлглиш взглянул на часы: тридцать три минуты третьего. Он опустил ручной тормоз, и «купер-бристоль» медленно запрыгал вниз, ей навстречу.

3

Сделав шаг назад, в тень комнаты верхнего этажа, Оливер Лэтэм, смотревший на ползущий по мысу автомобиль, не удержался от смеха. Взрыв хохота в тишине пустого коттеджа испугал его самого. Нет, каково? Чудо-специалист из Скотленд-Ярда, провонявший кровью недавнего дела, спешит на сцену с очередной репликой! Машина замерла на гребне холма. Вот бы чертов «купер-бристоль» наконец сломался! Но нет, похоже, Дэлглиш просто остановился полюбоваться видом. Этот олух наверняка предвкушает негу продолжительного безделья в «Пентландсе». Что ж, его ждет сюрприз. Вопрос в том, не совершит ли он, Лэтэм, оплошности, если останется, чтобы полюбоваться происходящим и всласть позабавиться? Почему бы и нет? Он должен был вернуться только в следующий четверг, к премьере в театре «Корт»; будет странно, если сейчас, едва приехав, рванется назад. К тому же его разбирало любопытство. Он ехал на Монксмир в среду, заранее готовясь скучать. Но ему повезло: события принимали необычный оборот.

4

Эллис Керрисон миновала высокую живую изгородь, заслонявшую «Прайори-Хаус» от северного ветра, спрыгнула на землю и повела кобылу к стойлу по широкой ветшающей конюшне шестнадцатого века. Распрягая ее и постанывая от усилия, она вспоминала то, что успела сделать, и предвкушала предстоящий отдых. Они будут вместе пить чай – крепкий и приторно-сладкий, как нравится мистеру Синклеру, сидя по разные стороны от большого камина в гостиной. Даже в такой теплый осенний денек мистер Синклер не обойдется без зажженного камина. А перед сумерками, пока не опустится туман, они, как всегда, прогуляются вдоль моря. На сей раз прогулка не будет бесцельной: предстоит немного порыться в земле. Что ж, поставленная цель требовала собранности; какие бы умные речи ни вел мистер Синклер, человеческие останки, пусть и не в полном комплекте, требуют уважительного отношения. И вообще настало время убрать их из дому.

5

Часы показывали половину восьмого вечера. Дэлглиш и его тетушка отужинали и теперь сидели в гостиной по разные стороны от камина в молчании. Комната

с выложенными камнем стенами занимала почти весь первый этаж коттеджа. Низкий потолок поддерживали толстые дубовые балки, пол был устлан красной карьерной плиткой. Камин трещал дровами и сыпал искрами, рискуя поджечь сложенные сохнущие рядом сучья, оставленные на морском берегу прибоем. Запах древесного дыма тянулся по дому, как ладан, воздух вибрировал в такт разбивающимся о берег волнам. Эта ритмичная, сомнамбулическая безмятежность нагоняла на Дэлглиша сон. Его всегда привлекал контраст в искусстве и в природе. Здесь, в «Пентландсе», удовольствие от контрастов подразумевалось само собой, особенно после наступления темноты. Внутри дома было тепло и светло, красочно и комфортабельно, как и полагается уютному цивилизованному жилищу. Снаружи, под низкими тучами, царствовала темень, неприкаянность, загадка. Адам представлял берег моря в ста футах под собой, кружева морской пены на холодной тверди пляжа. Перед его мысленным взором раскинулся птичий заповедник, застывший под ночным небом, с чуть колеблющимся над неподвижной водой тростником.

Вытянув ноги к огню и удобно привалившись головой к высокой спинке кресла, он поглядывал на тетушку. Та сидела совершенно прямо, что являлось для нее воплощением комфорта. Она была занята вязанием ярко-красных шерстяных носков – Дэлглишу оставалось надеяться, что они предназначены не для него. Основания надеяться имелись: его тетке подобные нежности не были свойственны. В красных отблесках камина ее длинное лицо казалось резной ацтекской маской: нависшие над глазами веки, длинный прямой нос, широкий подвижный рот. Волосы, блестевшие теперь посеребренной сталью, были собраны на затылке в большой узел. Это лицо он помнил с детства и сейчас не улавливал в нем перемен. Наверху, в ее комнате, в этом всегда можно было убедиться, сверившись с фотографией 1916 года, косо вставленной между зеркалом и рамой: на ней тетка была запечатлена со своим женихом, вскоре павшим на войне. Дэлглишу не пришлось напрягаться, чтобы вспомнить фотографию. Жених в мятой фуражке и бриджах когда-то казался ему смешным, но с тех пор превратился в воплощение романтичной влюбленности и безутешности давно минувших времен. Девушка была на полдюйма выше его и наклонялась с юной угловатостью, ее взбитые волосы были перехвачены лентой, мыски туфель едва выглядывали из-под подола юбки, подчеркивавшей ее стройность. Джейн Дэлглиш никогда не рассказывала племяннику о своей молодости, а он и не спрашивал. Других таких самостоятельных, начисто лишенных сентиментальности женщин Адам не знал. Лучше было не гадать, найдут ли они с Деборой общий язык. Дебору трудно вообразить где-либо, кроме Лондона. После смерти матери она почти не показывалась дома, а он по причинам понятным им обоим никогда не ездил с ней в Мартингейл. Сейчас

Адам мог представить ее только в своей квартире в Сити, где-нибудь в ресторане, в театральном фойе, в их любимом пабе. Он привык жить по-своему, не важно где. К его работе Дебора не имела отношения, в «Пентландсе» ей тоже было не место. Однако, выйдя за него замуж, она бы проникла и туда, и сюда. Адам понимал, что в этот свой короткий отпуск обязан наконец решить, действительно ли это именно то, что ему нужно.

– Как насчет музыки? – обратилась к нему Джейн Дэлглиш. – У меня есть новая пластинка Малера.

Дэлглиш был немузыкален, но знал, что для тетки музыка значит очень много, так что его отдых в «Пентландсе» не обходился без прослушивания ее пластинок. Ее познания и предпочтения были заразительны: он уже делал для себя открытия. В своем теперешнем настроении он был даже не прочь послушать Малера.

И тут до его слуха донесся звук мотора и шорох шин.

– Господи, кого это принесло? – спросил Адам. – Надеюсь, не Селию Колтроп?

Мисс Колтроп нужно было твердо давать от ворот поворот, иначе она норовила наведываться каждый день, портя одиночество его отпуска на Монксмире условностями пригородного светского ритуала. Особенно ловко у нее получалось заставать в коттедже Дэлглиша. Представительный свободный мужчина являлся для нее естественной добычей. Даже если сама она на него не покушалась, претендентки имелись всегда. Селия не могла допустить, чтобы хоть что-нибудь пропало зря. В одно из его посещений она устроила в честь Адама вечеринку с коктейлями – настолько неуместную, что она даже пришлась ему по вкусу. Монксмирские обитатели, казалось, увидевшие друг друга впервые в жизни, под рассеянные вежливые разговоры жевали канапе и тянули дешевый шерри в розово-белой гостиной Селии. Снаружи в это время завывал штормовой ветер, а в прихожей громоздилась куча зюйдвесток и фонарей «молния». Вот это контраст! Но не следовало превращать его в привычку.

– По звуку похоже на «моррис» мисс Колтроп, – определила Джейн Дэлглиш. – Наверное, она привезла племянницу. Элизабет только вчера приехала из Кембриджа, выздоравливать после ангины.

– Значит, ей место в постели. Но гостей, пожалуй, больше, чем двое. Кажется, я слышу блеяние Джастина Брайса.

Адам не ошибся. Мисс Дэлглиш распахнула дверь гостиной, и через окошко входной двери проник свет автомобильных фар. Смутные тени постепенно преобразились в знакомые фигуры. К тетке Дэлглиша нагрянул чуть ли не весь Монксмир. Пожаловала даже Сильвия Кедж, хромая секретарша Мориса Сетона, в свете фар прыгавшая на своих костылях к двери. Мисс Колтроп медленно двигалась за ней следом в готовности поддержать ее. За ними шагал Джастин Брайс, продолжавший оглашать темноту несвязными возгласами. Рядом с ним шел дылда Оливер Лэтэм. Замыкала шествие хмурая и неуверенная Элизабет Марли, вобравшая голову в плечи и спрятавшая руки в карманы жакета. Она еле передвигала ноги и вертела головой, словно давала понять, что не имеет отношения к остальной компании.

– Добрый вечер, мисс Дэлглиш, добрый вечер, Адам! – провозгласил Брайс. – Не обвиняйте в этом вторжении меня, это все Селия… Мы пришли за профессиональным советом. Все, кроме Оливера. Мы встретили его по пути, ему просто понадобилось занять немного кофе. Так, во всяком случае, он утверждает.

– Вчера я забыл купить кофе, – принялся объяснять Лэтэм. – Вот и решил обратиться к единственной соседке, чьему кофе можно доверять и кто не станет читать мне лекций о недостатках моего домашнего хозяйства. Если бы я знал, что у вас вечеринка, то дождался бы утра…

Но намерения уйти он не выказывал. Все вошли в дом, моргая от яркого света и принеся с собой холодный воздух, загнавший белый дым от камина в угол гостиной. Селия Колтроп немедленно устроилась в кресле Дэлглиша с таким видом, словно оно принадлежало ей. Ее стройные ноги, выставленные напоказ, разительно контрастировали с грузным грудастым туловищем, затянутым в корсет, и с дряблыми веснушчатыми руками. Дэлглиш полагал, что ей скоро стукнет пятьдесят, но выглядела она старше. Как всегда, Селия предстала обильно, но искусно накрашенной. Лисий ротик был вымазан карминовой помадой, глубоко посаженные раскосые глаза, придававшие ее облику на многочисленных рекламных фотографиях фальшивую одухотворенность, подведены синим карандашом, ресницы перегружены тушью. Она сдернула с головы прозрачный платок, демонстрируя свежий плод парикмахерских усилий – тонкие, как у ребенка, волосики, сквозь которые неприлично

проглядывал гладкий розовый скальп.

Ее племянницу Дэлглиш встречал пару раз и теперь, пожимая ей руку, решил, что Кембридж не изменил ее. Она так и осталась той надутой девушкой с крупными чертами лица, какой он запомнил ее. Назвать это лицо неумным было бы слишком, оно было бы даже привлекательным, появись на нем хотя бы искорка живости.

От недавнего покоя не осталось и следа. Дэлглиш удивлялся, как много шуму способны наделать семеро человек. Сначала нужно было усадить в кресло Сильвию Кедж – операция, производившаяся под бдительным надзором мисс Колтроп, не принявшей в ней, правда, никакого участия. Девушку можно было бы назвать необычной, даже красивой, если бы удалось забыть про ее уродливо вывернутые ноги в металлических лангетах, тяжелые плечи и мужские руки, привычные к костылям. У нее было удлиненное, смуглое, как у цыганки, лицо и черные волосы до плеч, расчесанные посередине на прямой пробор. Это лицо выражало бы силу характера, если бы не гримаса жалобного смирения и молчаливого страдания. Большие черные глаза привычно молили о сочувствии. Сильвия заставляла окружающих еще больше суетиться своими утверждениями, что ей вполне удобно, хотя было очевидно, что об удобстве нет речи, порицающе-ласковыми настояниями, имевшими силу приказа, оставить ее костыли там, где она сможет до них дотянуться, хотя все понимали, что их надо приставить к ее коленям, пусть из этого положения они легко могли рухнуть на пол, и вообще не давая всем вокруг забыть об их незаслуженном добром здравии. Дэлглишу все это было знакомо, но сейчас он чувствовал, что она играет без души, почти механически. В кои-то веки девушка, похоже, страдала всерьез. Глаза у нее были тусклые, как два камня, от ноздрей к уголкам рта пролегли глубокие морщины. Она выглядела невыспавшейся, ее рука, принимая у него рюмку с шерри, дрожала. Он с непритворным состраданием сжал ее пальцы и дождался, пока рука перестанет дрожать, чтобы Сильвия смогла выпить содержимое рюмки.

– Так в чем дело? – тихо обратился он к ней. – Чем я могу помочь?

Но Селия Колтроп уже присвоила себе полномочия оратора:

– Всем нам нет прощения за то, что мы побеспокоили вас и Джейн в первый же вечер! Я хорошо это понимаю. Но мы встревожены. Во всяком случае, мы с Сильвией. Мы очень озабочены.

– Лично я не столько встревожен, сколько озадачен, – подхватил Джастин Брайс. – И можно сказать, полон надежды. Проблема в том, что исчез Морис Сетон. Боюсь, это всего лишь рекламный трюк в преддверии выхода его очередного остросюжетного романа, так что вскоре он появится. Давайте не будем смотреть на дело слишком мрачно.

Сам он был далеко не мрачен: сидя на табурете перед огнем, походил на злорадную черепаху, тянущую к теплу длинную шею. В молодости Джастин Брайс был красавцем, гордым своими высокими скулами, сочными подвижными губами и огромными серыми глазами, сверкавшими из-под тяжелых век. Но теперь, в пятьдесят лет, превратился в карикатуру на самого себя. Глаза утратили былой блеск и вечно слезились, как на сильном ветру. Редеющие волосы потускнели и стали жесткими, как солома. Кожа так обтянула скулы и надбровные дуги, что голова смахивала на череп мертвеца. Прежними остались лишь руки, которые он протягивал сейчас к огню, – с нежной кожей, белые, изящные, как у девушки. Улыбаясь Дэлглишу, он продолжил:

– Пропал, но, видимо, жив-здоров. Автор детективов средних лет. Характер нервный. Телосложение мелкое. Нос узкий. Зубы заячьи. Волосы редкие. Адамово яблоко торчком. Нашедшего просьба оставить его себе… В общем, мы к вам за советом, дружище. Насколько я понимаю, вы только что одержали очередную победу. Как нам поступить? Дождаться появления Мориса и сделать вид, будто не заметили его исчезновения? Или играть по его правилам и обратиться в полицию? В конце концов, если это реклама, то помощь полиции тоже будет кстати. Бедняге Морису нужно подсобить.

– Здесь нет ничего смешного, Джастин, – сурово промолвила мисс Колтроп. – Лично я не верю, что это рекламный трюк, иначе не стала бы беспокоить Адама, зная, насколько ему необходим отдых после напряженного расследования. Какой вы молодец, Адам, что поймали преступника, прежде чем он нанес новый удар! От этого дела я была совершенно больная, меня выворачивало наизнанку! И что теперь? Он проведет несколько лет в тюрьме за государственный счет, а потом выйдет на свободу и опять убьет ребенка? Мы что, все с ума сошли в этой стране? Ума не приложу, почему не вздернуть его со всей аккуратностью, и дело с концом?

Дэлглиш был рад, что его лицо скрывает тень. Он опять вспомнил момент ареста. Пули был тщедушным уродцем, издававшим резкий запах страха.

Год назад от него ушла жена, и кривая заплатка на локте дешевого пиджака была, очевидно, пришита им самим. Дэлглиш поймал себя на том, что не сводит глаз с этой заплатки, будто она удостоверяла, что Пули остается человеком. Что ж, теперь зверь в клетке, общественность и пресса вольны славить полицию вообще и старшего инспектора Дэлглиша в частности. Психиатр, без сомнения, растолковал бы, почему его не покидало чувство, будто он сам заразился виной. Это чувство было для него неновым, и он умел сам с ним справляться. В конце концов, думал он устало, оно редко преследовало его долго и еще ни разу не наводило на мысль поменять работу. Но обсуждать Пули с Селией Колтроп? Никогда!

Тетка, находившаяся в противоположной стороне гостиной, поймала взгляд племянника.

– Чего именно вы ждали бы от Адама, мисс Колтроп? – тихо спросила она. – Разве не местная полиция обязана разобраться с исчезновением мистера Сетона?

– Сомневаюсь. Это наша задача! – Мисс Колтроп осушила свою рюмку с таким наслаждением, словно в ней был настоящий «амонтильядо», и протянула ее, требуя еще. – С Мориса станется пропасть для каких-то собственных целей, например, чтобы собрать материал для будущей книги. Он намекал, что на сей раз готовит кое-что новенькое, а не обычный свой классический детектив. Морис в высшей степени добросовестный мастер и всегда опирался только на собственный опыт. Помните, как он провел три месяца с бродячим цирком, прежде чем написать «Убийство под куполом»? Это, конечно, свидетельствует об определенном недостатке творческого воображения… Кстати, я в своих романах никогда не замыкаюсь в прокрустовом ложе собственного опыта.

– Учитывая то, что пережила ваша последняя героиня, дорогая Селия, я испытываю облегчение, когда слышу это, – произнес Джастин Брайс.

Дэлглиш осведомился, когда Сетона видели в последний раз. Мисс Колтроп хотела ответить, но ее перебила Сильвия Кедж. От шерри и тепла камина она разрумянилась и уже лучше владела собой. Обращаясь к Дэлглишу, она зачастила:

– В понедельник утром мистер Сетон отправился в Лондон, в свой клуб «Кадавр» на Тэвисток-сквер. Обычно проводит там в октябре неделю-другую. Осенью

отдает предпочтение Лондону, любит порыться в библиотеке клуба, делая выписки для своих книг. Он взял с собой чемоданчик и портативную пишущую машинку и сел в поезд в Хейлсуорте. Мистер Сетон сказал мне, что намерен приняться за новую книгу, совсем не в том стиле, что прежние. Мне показалось, будто он очень вдохновлен новой работой, хотя со мной он ее не обсуждал. Заявил, что она всех удивит. Договорился со мной, что в его отсутствие я буду работать в его доме только утром, а он станет мне звонить в десять часов утра, если будет что передать. Так всегда происходило, когда он уезжал работать в клуб. Мистер Сетон печатает рукопись через два интервала и пересылает мне порциями для перепечатывания набело. Потом он все перечитывает и правит, и я печатаю экземпляры уже для издателей. Конечно, куски текста не всегда получаются связными. В Лондоне он предпочитает сочинять городские сцены, и я никогда не знаю, что будет позднее. Во вторник утром мистер Сетон позвонил, сказал, что вечером в среду надеется прислать новую часть, и попросил меня о кое-какой смысловой увязке. Он говорил со мной нормальным тоном…

У мисс Колтроп кончилось терпение.

– Хорош гусь наш Морис! Использовать вас для штопанья ему носок и натирания серебряных приборов! Вы ведь квалифицированная машинистка-стенографистка, разве можно было так небрежно относиться к вашим способностям? Видит Бог, сколько у меня накопилось для вас работы. Но сейчас не об этом. Мои взгляды всем и так известны.

Что верно, то верно: дорогой Селии сочувствовали бы больше, если бы не знали, что ее гнев вызван обидой за саму себя. Стоило возникнуть шансу кого-нибудь поэксплуатировать, она хотела быть первой в очереди.

Девушка не обратила внимания, что ее перебили, и по-прежнему сверлила Дэлглиша темными глазами.

– Вскоре мистер Сетон позвонил вам опять? – мягко спросил он.

– В том-то и дело, что нет, мистер Дэлглиш! В среду, работая в «Сетон-Хаусе», я так и не дождалась звонка, но не встревожилась. Иногда он не звонил несколько дней. Этим утром я снова туда наведалась, закончить глажку, и тут звонит мистер Плант, привратник клуба «Кадавр»; его жена там за кухарку. Они,

дескать, очень обеспокоены, потому что мистер Сетон ушел из клуба во вторник до ужина и с тех пор не возвращался. Его кровать осталась нетронутой, пишущая машинка на месте. Сначала Плант не хотел поднимать шум. Подумал, будто мистер Сетон мог отлучиться намеренно, в связи со своей работой. Но когда тот не вернулся ночевать вторую ночь подряд и не дал о себе знать, решил позвонить по его домашнему номеру. Я не знала, как поступить. Связаться с его сводным братом я не могла: он недавно переехал и не сообщил свой адрес. Других родственников нет. И вообще, откуда мне знать, хотел бы сам мистер Сетон, чтобы я начала суетиться? Я предложила Планту подождать немного и созвониться, как только узнаем что-нибудь новое. И тут, еще до обеда, приносят почту, а в ней рукопись…

– Вот она! – провозгласила мисс Колтроп. – Вместе с конвертом.

Она торжественно извлекла из объемистой сумки пакет и отдала Дэлглишу. Конверт был обыкновенный, желтовато-коричневый, размером четыре на девять дюймов, на нем был напечатан адрес получателя: «Г-ну Морису Сетону, «Сетон-Хаус», Монксмир, Суффолк». Внутри лежали три листка с неумело отпечатанным текстом через два интервала.

– Он всегда отправлял рукописи на собственное имя, – объяснила мисс Кедж деланно безразличным тоном. – Только это не его рук дело, мистер Дэлглиш. Это сочинил и напечатал не он.

– Откуда подобная уверенность?

Вопрос был излишним. Мало что так плохо поддается подделке, как манера печатать, и девушка столько раз копировала рукописи Мориса Сетона, что легко узнавала его руку.

Мисс Колтроп, не дав ей ответить, выпалила:

– Пожалуй, лучше я зачитаю отрывок!

Пришлось ждать, пока она достанет из сумки огромные очки в стразах, водрузит их себе на нос, поудобнее устроится в кресле. Морис Сетон впервые удостоился чтения своего опуса на публике, мелькнуло в голове у Дэлглиша. Что ж, столь внимательная аудитория пришлась бы ему по нраву, да и актерская манера мисс

Колтроп тоже.

В руки Селии попал труд коллеги по перу, и она, не сомневаясь в слушателях, была готова блеснуть:

«Каррутерс отодвинул штору из стекляруса и вошел в ночной клуб. Он немного постоял на пороге, как всегда, красуясь в отлично скроенном смокинге, элегантный, рослый, с некоторым презрением обводя взглядом тесно составленные столы, убогое псевдоиспанское оформление, потрепанных посетителей. Вот оно, логово одной из опаснейших банд Европы! Отталкивающая видимость, ничем не примечательный притон, каких в Сохо сотни, но за всем этим скрывается выдающийся ум, возглавляющий одну из самых опасных преступных группировок Запада. В это трудно поверить? Но ведь и фантастическая авантюра выглядела невероятно. Он присел за ближайший к двери столик, чтобы наблюдать и ждать. Подошедший официант – низкорослый неряшливый киприот – молча принял у него заказ: жареные креветки, зеленый салат, бутылка кьянти. Каррутерс гадал, знают ли они о его приходе, и если да, то скоро ли появятся.

На маленькой сцене в глубине подвала не было ничего, кроме тростниковой ширмы и красного стула. Внезапно свет потускнел, пианист заиграл что-то медленное, сладострастное. Из-за ширмы появилась девушка – красивая блондинка, зрелая, с большой грудью, такая грациозная и дерзкая, что Каррутерс заподозрил, что перед ним русская голубых кровей. Подойдя к стулу развязной походкой, она стала медленно расстегивать “молнию” на своем вечернем платье. Когда оно съехало на пол, оказалось, что на ней нет больше ничего, кроме черного бюстгальтера и узеньких трусиков. Сидя на стуле спиной к зрителям, блондинка завела руки за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер. От столов понеслись хриплые крики: “Рози, Рози, вперед! Давай, давай!”»

Мисс Колтроп прервала чтение. Все как воды в рот набрали, большинство, похоже, недоумевало.

– Что там дальше, Селия? – не вытерпел Брайс. – Зачем останавливаться в самом захватывающем месте? Наверное, Рози накинулась на досточтимого Мартина Каррутерса и изнасиловала его? Это назревало уже много лет. Или мои надежды

напрасны?

– Продолжать нет необходимости, – изрекла мисс Колтроп. – Доказательство перед нами.

– Мистер Сетон никогда не назвал бы свой персонаж Рози, – объяснила Сильвия Кедж, снова поворачиваясь к Дэлглишу. – Это имя его матери. Однажды он пообещал мне не использовать имя матери в своих книгах. И был верен своему обещанию.

– Тем более он не назвал бы так проститутку из Сохо, – подхватила мисс Колтроп. – Он часто рассказывал мне о матери. Он души в ней не чаял, просто обожал! Когда она умерла и его папаша женился снова, он сам едва выжил. – Голос мисс Колтроп дрогнул от тоски собственного несостоявшегося материнства.

Внезапно подал голос Оливер Лэтэм:

– Дайте мне посмотреть.

Селия подала ему листки, и присутствующие стали ждать, пока он просмотрит текст. Оливер Лэтэм отдал его, не произнеся ни слова.

– Что скажете? – обратилась к нему мисс Колтроп.

– Ничего. Просто захотелось взглянуть. Мне знаком почерк Сетона, но не его манера печатания. Хотя вы говорите, что это не его работа…

– Уверена, что не его, – повторила мисс Кедж. – Правда, не могу объяснить, откуда у меня эта уверенность. Не похоже на него, вот и все. Но напечатано на его машинке.

– Как насчет стиля? – поинтересовался Дэлглиш.

Все задумались. Наконец Брайс произнес:

– Типичным Сетоном это не назовешь. Он все-таки может, когда захочет. Звучит как-то искусственно, вы не находите? Такое впечатление, будто он пытался писать плохо.

До сих пор Элизабет Марли помалкивала, сидя одна в углу, как недовольный ребенок, которого насильно затащили в общество скучных взрослых. Но теперь она вдруг вскинула голову и запальчиво заговорила:

– Если это подделка, то нас прямо-таки заставляют заметить это. Джастин прав, стиль фальшивый. Надо же случиться такому совпадению, чтобы тот, кто это накропал, использовал имя, которое вызовет подозрение! Почему Рози? Если хотите знать мое мнение, то это выкрутасы самого Мориса Сетона, а вы на них клюете. Вот напечатают его новую книгу, и вы сами все прочитаете. Он известный любитель экспериментировать.

– Ясно, что это детские штучки в духе Сетона, – поддержал Лэтэм. – Не хочу стать невольным участником его дурацких экспериментов. Предлагаю выбросить все это из головы. Он объявится, когда сочтет нужным.

– Морис всегда был, конечно, очень странным и скрытным, – добавила мисс Колтроп. – Особенно в том, что касалось его работы. Но мне иногда удавалось кое-что подсказать ему. Он пользовался моими советами, но не удосуживался благодарить меня. Нет, я не хотела какой-то особенной признательности: я всегда счастлива помочь коллеге-писателю. Но немного огорчительно наталкиваться в новых книгах Мориса на свои сюжетные ходы и ни разу не удостоиться даже простого «спасибо».

– Наверное, он со временем забывает о подсказках и считает, что сам все это выдумал, – предположил Лэтэм.

– Нет, Оливер, он никогда ничего не забывал. У Мориса был очень ясный ум. И работал он методично. Если я что-нибудь предлагала, то он изображал слабый интерес и цедил, что попробует когда-нибудь найти этому применение. Но я видела по его глазам, что он все мотает на ус и непременно, вернувшись домой, заведет в своей картотеке новые карточки. Не скажу, что мне было обидно, но что ему стоило хотя бы изредка поблагодарить? Месяц назад я подала ему очередную идею и готова держать пари, что теперь она появится в его новой книге.

– Вы совершенно правы насчет него, Селия, – поддержал Брайс. – Эта курочка клевала от каждого по зернышку. Если кто-нибудь придумывал новый способ убийства, то жаль было не найти ему применения, особенно при виде того, как бедняга Сетон выбивается из сил. Но в ответ можно было получить лишь хищный блеск в глазах Сетона, и ни малейшего намека на признательность! И теперь, конечно, я по понятным причинам пальцем не намерен пошевелить, чтобы ему помочь. После того как он поступил с Арабеллой – ни за что!

– То, что подсказала ему я, не являлось, собственно, новым способом убийства, – возразила мисс Колтроп. – Так, просто ситуация… Я подумала, что из этого можно сделать эффектный зачин. Твердила Морису, что вниманием читателя необходимо завладевать с самого начала. Как вам такая картина: море качает шлюпку, а в ней труп с отрубленными кистями рук?

Наступила мертвая тишина, и когда раздался бой часов, все взгляды устремились на них, словно они подавали сигнал к началу казни. Дэлглиш покосился на Лэтэма, который буквально одеревенел в кресле и так впился пальцами в ножку бокала, словно испытывал хрусталь на прочность. Догадаться, какие мысли скрывает неподвижная бледная маска, в которую превратилась его физиономия, было невозможно.

Брайс нервно хихикнул, и аудитория перевела дух. В гостиной раздался вздох облегчения.

– Что за нездоровое воображение, Селия? Держите себя в руках, дорогая, не то «Лига любовного романа» укажет вам на дверь!

– Все это не помогает решить ту проблему, с которой мы сейчас столкнулись, – заметил Лэтэм. – Мы согласились ничего не предпринимать в связи с исчезновением Сетона, я правильно понял? Вероятно, Элизабет права: Морис морочит всем голову. Так что чем быстрее мы позволим мистеру Дэлглишу дальше наслаждаться отпуском, тем лучше.

Он уже поднимался, словно разговор утомил его, как вдруг раздался громкий и требовательный стук в дверь. Джейн Дэлглиш, глядя на племянника, вопросительно приподняла бровь и пошла открывать. Остальные притихли и навострили уши. Визиты после захода солнца были здесь не в правилах. После наступления темноты допускались только посещения соседей, чьи шаги хозяева

дома узнавали. Но эти удары в дверь выдавали чужака. Донеслись приглушенные голоса, в дверях снова появилась мисс Дэлглиш, уже в сопровождении двух мужчин в плащах. В тени трудно было разглядеть их лица.

– Знакомьтесь, инспектор Реклесс и сержант Кортни из уголовной полиции графства. Они ищут Дигби Сетона. Его лодку прибило к берегу на мысе Код.

– Странно! – откликнулся Джастин Брайс. – Вчера в пять часов вечера она была, как всегда, на приколе под Таннерс-лейн.

Всем сразу стало ясно, что инспектор и сержант уголовной полиции неспроста хватились на ночь глядя какой-то лодчонки. Выразить всеобщее недоумение взялся Лэтэм.

– Что случилось, инспектор? – спросил он.

– Боюсь, случилось нечто страшное, – ответила вместо инспектора Джейн Дэлглиш. – В лодке лежало тело Мориса Сетона.

– Тело Мориса? Это какая-то бессмыслица! – раздался на всю комнату в тщетном негодовании резкий голос мисс Колтроп. – Невероятно! Морис никогда не выходит в море. Он терпеть не может это занятие…

Инспектор выступил из тени и произнес:

– Мы застали его вовсе не за этим занятием, мадам. Мистер Сетон найден на дне лодки мертвым. У трупа отрублены кисти.

6

Селия Колтроп, словно наслаждаясь собственным упрямством, произнесла в десятый раз:

– А я вам говорю, что никому, кроме Мориса, словом не обмолвилась об этом сюжете. С какой стати? И сколько можно спрашивать, когда это было? По-моему,

полгода назад, точно не помню. Мы гуляли по пляжу в Уолберсуике, и мне вдруг пришло в голову, что приплывший в лодке безрукий труп – неплохое начало для детективной истории. Вот я и поделилась идеей с Морисом.
До сегодняшнего вечера я не сообщала об этом больше ни одной живой душе. Но за самого Мориса я, конечно, не поручусь.

– Наверняка он с кем-то поделился вашей идеей! – раздраженно бросила Элизабет Марли. – Вряд ли можно допустить, что в погоне за правдоподобием он сам оттяпал себе руки! Или вы готовы утверждать, что одна и та же мысль, посетившая вас и убийцу, – простое совпадение? Хотя откуда у вас уверенность, что вы больше ни с кем об этом не говорили? Кажется, вы упомянули об этом даже мне, когда мы обсуждали медлительность, с которой Морис высиживал свои сюжеты…

Судя по виду присутствующих, никто ей не поверил. Джастин Брайс тихо, но так, что все услышали, произнес:

– Дорогая Элизабет! Какая преданность!

Оливер Лэтэм усмехнулся, после чего все смущенно притихли – но ненадолго.

– Мне он об этом не рассказывал, – раздался хриплый, сварливый голос Сильвии Кедж.

– О, нет, милочка, – ласково подхватила мисс Колтроп. – Но ведь мистер Сетон не обсуждал с вами не только это. Со служанками делятся далеко не всем. А он относился к вам именно так, дорогая. Вам бы вспомнить о гордости и не позволять использовать себя как рабочую лошадку. Мужчины ценят характер.

Дэлглиш уловил замешательство, охватившее присутствующих от этого беспричинного язвительного выпада. Все молчали. Ему было неудобно смотреть на девушку, но та опустила голову, словно безропотно принимала заслуженный упрек, две пряди черных волос заслонили ее лицо. В наступившей тишине он слышал ее прерывистое дыхание и сожалел, что не испытывает к ней сочувствия. Разумеется, Селия Колтроп была несносной особой, но в самой Сильвии Кедж было нечто, не позволявшее щадить ее. Оставалось гадать, чем именно она побуждает присутствующих быть к ней безжалостными.

С момента появления инспектора Реклесса и сержанта минул час, и за это время сам полицейский сказал очень мало, зато остальная компания, не считая Дэлглиша и его тети, много чего наговорила. Не все сказанное было разумным. Реклесс, сразу усевшийся в кресло у стены, хранил неподвижность, только его темные глаза внимательно поблескивали в свете камина. В комнате было тепло, но он остался в своем неряшливом габардиновом плаще, каким-то чудом выдерживавшем груз многочисленных металлических пряжек, пуговиц и кнопок. Себе на локоть он возложил огромные перчатки с крагами и мягкую фетровую шляпу – боялся, видимо, что украдут, потому и не расставался с тем и другим. Инспектор выглядел здесь чужаком, мелким чиновником, которого с трудом терпят и который не осмеливается опрокинуть предложенную рюмочку – служба, дескать… Дэлглиш понимал, что это именно то впечатление, какое полицейский стремится произвести. Подобно всем удачливым сыщикам, этот был способен приуменьшить себя усилием воли, сделать так, чтобы само его физическое присутствие стало безобидным, даже незаметным, превратиться в предмет обстановки. И внешность у него была самая подходящая. Рост минимальный – еще более низкорослых на службу в полицию не принимали, физиономия землистого оттенка была воплощением непримечательности, способным затеряться в толпе футбольных болельщиков в воскресный день. Таким же бесцветным, не выдающим происхождения, не позволяющим составить о нем представление был его голос. Широко расставленные, глубоко посаженные глазки прыгали с лица на лицо, в зависимости от того, кто брал слово; в данном обществе эти выстрелы из-под нависших надбровных дуг могли бы вызвать смущение – если бы кто-нибудь удосужился обратить на них внимание. Сидевший рядом с ним сержант Кортни, казалось, строго выполнял приказ держать спину прямо, все видеть и слышать – и помалкивать.

Дэлглиш посмотрел на свою тетю, сидевшую напротив него в кресле. Она снова принялась за вязанье и будто утратила интерес к происходившему вокруг нее. Почерпнув вязальное искусство у гувернантки-немки, Джейн держала спицы по-континентальному, торчком; их поблескивающие кончики завораживающе действовали на Селию Колтроп, которая поневоле косилась на них, словно мастерство хозяйки являлось для нее упреком и вызовом. Сама она елозила ногами и отворачивалась от огня, будто не могла стерпеть жар камина.
В комнате и впрямь становилось душно, и не замечать этого не мог никто, кроме Реклесса. Оливер Лэтэм расхаживал взад-вперед, по лбу струился пот, от его неуемной энергии в комнате становилось еще жарче. Резко остановившись, он повернулся к Реклессу:

– Когда он умер? Пора бы узнать кое-какие подробности!

– Точное время будет названо только в отчете патологоанатома, сэр.

– Иными словами, вы оставляете вопрос без ответа. Тогда я спрошу по-другому. За какие часы нам следует предоставить алиби?

Селия Колтроп возмущенно пискнула что-то и воззрилась на Реклесса, нетерпеливо, как и остальные, дожидаясь его ответа.

– Мне потребуются ото всех вас показания, закрывающие время с момента, когда Сетона видели в последний раз, то есть с семи тридцати вечера во вторник до полуночи в среду.

– Не поздновато? – возразил Лэтэм. – Его наверняка столкнули в море задолго до полуночи. Закат, вечерняя звезда и чистый зов в ночи… Вы не возражаете начать с меня? Во вторник я был на премьере в «Новом театре», затем на приеме, устроенном нашим рыцарем подмостков. Домой вернулся в начале второго и провел остаток ночи с… с другом. В данный момент я имени не назову, но завтра сообщу. Мы рано встали, пообедали в «Айви» и расстались, после чего я прикатил на машине сюда. До своего коттеджа добрался вчера после половины восьмого вечера и почти не выходил, не считая короткой прогулки по пляжу на сон грядущий. Сегодняшний день прошел в разъездах по окрестностям с целью заготовок. После ужина я спохватился, что забыл купить кофе, и подался к единственной соседке, которая способна одолжить приличную смесь, не сопровождая это лекцией о том, что мужчинам лучше не доверять ведение домашнего хозяйства. Для облегчения вашей задачи добавлю, что у меня имеется алиби на время его смерти – если считать, что она наступила во вторник, но не на то время, когда его отправили в последний путь – если считать, что это произошло вчера вечером.

На протяжении первой части этого выступления выражение лица мисс Колтроп менялось несколько раз: сначала это было любопытство, затем неодобрение, сладострастный интерес и легкая печаль. Можно было подумать, что она решала, какое подходит лучше, пока не остановилась на легкой печали – подобающем чувстве для женщины, прощающей мужчинам их слабости.

– Я буду просить вас назвать имя дамы, сэр, – тихо произнес инспектор Реклесс.

– Напрасная просьба – по крайней мере до тех пор, пока мне не удастся поговорить с ней. Но очень мило с вашей стороны предположить, что это все-таки женщина. Будьте благоразумны, инспектор! Если бы я имел отношение к смерти Сетона, то уже позаботился бы об алиби. А если бы взялся сооружать ложное, то в нем не фигурировала бы женщина. Если отбросить соображения неуместного рыцарства, то мы вряд ли будем долго держать вас в неведении. Всех подробностей никто не помнит. Достаточно спросить, о чем мы говорили, кто задергивал занавески, с какой стороны кровати я спал, сколькими одеялами укрывался, что мы ели на завтрак. Удивительно, что кто-то вообще берется придумывать алиби! Тут нужна настоящая память на подробности, не то что у меня.

– С вами, похоже, все ясно, Оливер, – сурово подытожила Селия. – Убийство – вещь нешуточная. Ни одна разумная женщина не станет чинить вам препятствий.

– Разум там и не ночевал, дорогая Селия! – рассмеялся Лэтэм. – Она ведь актриса. Но я все равно не жду с той стороны неприятностей. Однажды отец дал мне дельный совет: никогда не ложись с женщиной в постель, если утром кто-то из вас постесняется в этом признаться. Данный принцип отчасти ограничивает личную жизнь, зато обладает практическими достоинствами.

Дэлглиш сомневался, что Лэтэм действительно накладывает на себя подобные ограничения. В его утонченном кругу мало кто возражал против огласки связей, повышающей престиж, а Оливер Лэтэм – состоятельный, красивый, светский и, по слухам, труднодоступный – ценился весьма высоко.

– Что ж, вам не о чем беспокоиться, если Сетон действительно умер вечером во вторник, – угрюмо произнес Брайс. – Если только инспектор не предположит, что ваша постельная партнерша готова предоставить вам алиби на все случаи жизни.

– Она предоставит, что хотите, надо только уметь попросить ее, – беззаботно отозвался Лэтэм. – Но зачем заигрывать с опасностью? И куда деваться от наигранности? Если бы она изображала лгунью, рискующую репутацией ради спасения любовника от тюрьмы, я бы не беспокоился. Но вдруг она вздумает сменить роль? Нет уж, лучше я попрошу ее просто сказать правду.

Селия Колтроп, устав от чрезмерного интереса собравшихся к личной жизни Лэтэма, не выдержала:

– Полагаю, мне не придется описывать свои перемещения. Я была близким другом бедняги Мориса, вероятно, единственным настоящим другом за его жизнь. Однако я не против выложить все как на духу, тем более что это может, наверное, помочь кому-нибудь еще. Ведь здесь важна любая мелочь, не так ли? Почти все время я провела дома. Только днем во вторник повезла Сильвию в Норвич, там, в салоне «Эстель» близ Маддермаркет, нам обеим сделали прически. Сильвии понравилось. Необходимо следить за собой, даже живя в деревне. Там же, в Норвиче, мы попили чаю, и в восемь тридцать вечера я отвезла Сильвию домой и вернулась к себе. Вчера утром работала – я диктую на пленку, – а днем съездила в Ипсвич, чтобы кое-что купить и навестить в Уэлл-уок подругу, леди Бриггс. Я не знала, застану ли ее дома. Она отсутствовала, но служанка вспомнит, что я к ним заглядывала. На обратном пути я немного заблудилась и вернулась к десяти часам. К тому времени уже приехала из Кембриджа моя племянница, она подтвердит, что я больше никуда не отлучалась. Сегодня перед обедом Сильвия позвонила, сообщила о рукописи и о том, что Морис пропал. Я не знала, как лучше поступить, но, увидев вечером проезжавшего мимо старшего инспектора Дэлглиша, позвонила мистеру Брайсу и предложила пожаловать всем вместе к нему и посоветоваться. К этому времени у меня уже возникло ужасное предчувствие. Лучше бы я ошиблась!

Следующим слово взял Джастин Брайс. Дэлглишу оставалось удивляться готовности, с какой подозреваемые выкладывали сведения, которых официально от них пока никто не требовал. Они говорили о своих алиби со словоохотливой уверенностью новообращенных на собрании «возрожденцев». Не было сомнения, что уже назавтра они будут расплачиваться за эту свою готовность эмоциональным упадком. Однако предостерегать их в его обязанности не входило. Реклесс вызывал у Дэлглиша все больше уважения: тот по крайней мере умел сидеть тихо и слушать.

– Я тоже до вчерашнего вечера находился у себя в квартире в Блумсбери, – рассказывал Брайс, – но если Сетона не стало поздно вечером во вторник, то я точно ни при чем. Дважды за вечер я звонил врачу, потому что мне было плохо: новый приступ астмы. Вы знаете о моих мучениях, Селия. Мой доктор, Лайонел Форбс-Денби, подтвердит, что я звонил ему около полуночи и просил немедленно приехать. Он, конечно, отказался, посоветовав принять две синие таблетки и перезвонить, если через час не наступит облегчения. Как вам это

нравится? Я говорил ему, что боюсь умереть. В том-то и опасность астмы моего типа: если думаешь, что умираешь, то действительно можешь отправиться на тот свет.

– Но этого, разумеется, не случится, если Форбс-Денби запретит? – предположил Лэтэм. – А если он ошибется, Оливер?

– Он, кажется, лечил и Мориса? – спросила мисс Колтроп. – Морис его очень хвалил. Он был сердечником и всегда повторял, что жив только благодаря Форбсу-Денби.

– В общем, он мог бы приехать ко мне вечером во вторник, – огорченно произнес Брайс. – В половине четвертого ночи я опять позвонил ему, и в шесть часов утра он наконец пожаловал, но к этому времени худшее осталось позади. Какое-никакое, а алиби.

– Не вполне, Джастин, – заметил Лэтэм. – Где доказательство, что вы звонили из дому?

– Из дому, откуда же еще? Говорю, я был при смерти! И потом, если бы я поднял ложную тревогу, а сам мотался по Лондону и убивал Сетона, то как бы я попал к себе к моменту появления у меня Форбса-Денби? Так бы он вообще отказался лечить меня!

– Дружище Джастин! – воскликнул Лэтэм. – Если Форбс-Денби говорит, что не придет, можно его не ждать. Вам ли этого не знать?

Брайс грустно согласился; похоже, он отнесся к разрушению своего алиби с завидным философским спокойствием. Дэлглиш слыхал о Форбсе-Денби, модном терапевте, хорошем профессионале. Он внушил пациентам такую веру в свою непогрешимость, что, по слухам, мало кто из них был готов утолять голод и жажду, вступать в брак, производить потомство, покидать страну и умирать без его дозволения. Они славили его эксцентричность, смаковали грубости и восторгались вспышками гнева. Форбс-Денби был способен вышвырнуть в окно излюбленное патентованное снадобье своего пациента и указать на дверь его повару. Дэлглиш радовался, что не ему, а Реклессу с подручными придется выведывать у этого нелюбезного эксцентрика медицинские сведения о погибшем и алиби одного из подозреваемых.

Внезапно с яростью, заставившей всех уставиться на него вытаращенными глазами, Джастин выкрикнул:

– Я его не убивал, но не просите меня его жалеть после того, как он поступил с Арабеллой!

Селия Колтроп устремила на Реклесса слегка виноватый взгляд матери нашкодившего чада, достойного снисхождения.

– Арабелла – его сиамская кошка, – объяснила она. – Мистер Брайс решил, что это Морис убил ее.

– Я знаю, что это он, Селия, знаю, и все тут. – Он повернулся к Реклессу. – Месяца три назад я сбил его собаку. Это была чистая случайность, я люблю животных. Даже Таузера любил, уж какой это ни был – согласитесь, Селия! – противный беспородный пес… Случилось ужасное: он сдуру бросился прямо мне под колеса. Сетон в нем души не чаял и обвинил меня в том, будто я намеренно переехал его собаку. Через четыре дня он убил Арабеллу. Вот что это был за человек! Чего же удивляться, что теперь прикончили его самого?

Мисс Колтроп, мисс Дэлглиш и Лэтэм заговорили одновременно, не оставляя камня на камне от добрых намерений друг друга:

– Помилуйте, Джастин, не было ни малейших доказательств…

– Мистер Брайс, никто ведь не предполагает, что это как-то связано с Арабеллой…

– Бога ради, Джастин, к чему поминать старое?

Реклесс перебил их тихим вопросом:

– Когда вы приехали на Монксмир, сэр?

– В среду днем, около четырех часов. Тела Сетона у меня в машине не было. На счастье, у меня всю дорогу от Ипсвича барахлило сцепление, и машину

пришлось оставить в мастерской Бейнса у Саксмундхэма. Туда я добрался на такси, а сюда меня доставил Бейнс-младший. Хотите проверить мой автомобиль на предмет крови и отпечатков пальцев? Обращайтесь к Бейнсам. Желаю удачи!

– Почему, черт возьми, беспокоиться должны мы? – удивился Лэтэм. – Почему не его ближайшая родня? Взять хотя бы сводного братца Мориса: вот кого следовало бы выследить полиции! В конце концов, он – наследник, ему и давать объяснения.

– Дигби находился прошлым вечером в «Сетон-Хаусе», – тихо сообщила Элизабет Марли. – Я сама привезла его.

После прихода инспектора она раскрыла рот только во второй раз, причем, как показалось Дэлглишу, неохотно. Но, даже тоскуя по сенсации, трудно было надеяться на такую выразительную реакцию, которая последовала. Сначала присутствующие ошеломленно молчали, затем раздался резкий требовательный голос мисс Колтроп:

– То есть как – ты сама его туда привезла? – На взгляд Дэлглиша, это был вполне предсказуемый вопрос.

Девушка пожала плечами.

– Могу повторить: вчера вечером я привезла в «Сетон-Хаус» Дигби Сетона. Он позвонил мне со станции Ипсвича, где дожидался пересадки, и попросил встретить его в Саксмундхэме, он приедет туда на поезде в восемь тридцать. Брат знал, что Морис будет отсутствовать, и, наверное, не хотел тратиться на такси. Я поехала за ним.

– Ты мне об этом не рассказала, когда я вернулась! – бросила с упреком мисс Колтроп.

Остальные смущенно заерзали, боясь, что сейчас станут свидетелями семейной ссоры. Лишь темная фигура у стены сохранила неподвижность.

– Я решила, что вас это не заинтересует. Да и вернулись вы поздновато для беседы, не так ли?

– Но почему ты ничего не сказала мне даже сегодня?

– Зачем? Какое мне дело, если Дигби захотелось снова куда-то сбежать? К тому же мы тогда еще не знали о гибели Мориса Сетона.

– Итак, вы по просьбе Дигби встречали его в восемь тридцать? – уточнил Лэтэм, которому, похоже, не терпелось составить исчерпывающий график событий.

– Совершенно верно. Более того, он приехал именно на этом поезде, а не томился в зале ожидания или перед вокзалом. Я купила билет на платформу и видела, как он выходит из вагона. Когда Дигби отдавал билет контролеру, я находилась рядом. Это был билет от самого Лондона, он еще сетовал на дороговизну. Контролер наверняка его запомнил. Там сошло полдюжины пассажиров.

– Надо полагать, он не нес на себе мертвеца? – усмехнулся Лэтэм.

– Разве что в своем чемодане размером три на два фута.

– Вы отвезли его домой?

– Конечно, как и предполагалось. После восьми вечера Сакс – не самое веселое место, а Дигби далеко не самый мой излюбленный собутыльник. Повторяю, я просто помогла ему сэкономить на такси.

– Продолжайте, Элизабет, – подбодрил Брайс. – Вы отвезли Дигби в «Сетон-Хаус», а потом?

– Я высадила его у двери. Дом был безмолвным, без единого огонька, что естественно: всем известно, что в середине октября Морис находится в Лондоне. Дигби пригласил меня выпить, но я ответила, что устала, хочу домой, тетя Селия, наверное, уже вернулась и ждет меня. Мы попрощались, и Дигби отпер дверь своим ключом.

– Значит, у него имелся ключ? – подал голос Реклесс. – Они с братом были настолько близки?

– Про их отношения мне ничего не известно. Но то, что у Дигби есть ключ, я знала.

Реклесс повернулся к Сильвии Кедж:

– Вы тоже знали, что у Дигби Сетона есть доступ в дом?

– Морис Сетон дал брату ключи от дома пару лет назад. Иногда он заговаривал о том, что надо бы их отобрать, но мистер Дигби редко ими пользовался в отсутствие брата, и тот, наверное, решил оставить их ему.

– Интересно, почему он сначала хотел забрать у брата ключи? – спросил Брайс.

Мисс Колтроп, очевидно, отнесла данный вопрос к категории тех, на которые Сильвии отвечать не следует. Выражение ее лица и голос явно означали сейчас: «Только не при слугах».

– Однажды Морис обмолвился при мне о ключах, – произнесла она. – Сказал, что, наверное, потребует их обратно. Дело не в недоверии к Дигби. Просто ему было не по себе: вдруг брат потеряет их или их у него украдут в каком-нибудь из его излюбленных ночных клубов…

– Значит, он так и не получил ключей назад, – подытожил Лэтэм. – Дигби вошел с их помощью в дом вчера примерно в девять часов вечера. С тех пор его не видели. Вы уверены, что в доме никого не было, Элизабет?

– Как я могу быть уверена? Я же не находилась внутри. Но я не слышала голосов и не видела света.

– Я побывала там сегодня в половине десятого утра, – сказала Сильвия Кедж. – Входная дверь была заперта, как обычно, дом был пуст. Все постели остались нетронутыми. Мистер Дигби даже не наливал себе выпивку.

Трудно было предъявить более безоговорочное свидетельство того, что стряслось что-то внезапное и серьезное. Мало какой кризис не послужил бы для Дигби Сетона поводом подкрепить свои силы горячительным.

– Это ничего не означает, – заявила Селия. – У Дигби всегда при себе фляжка. Это как раз одна из тех его манер, которые доводили Мориса до бешенства. Но меня волнует другое: куда он мог подеваться?

– Он сообщил вам что-нибудь о своих ближайших планах? – обратился Лэтэм к Элизабет Марли. – Какое он произвел на вас впечатление?

– Нет, он ничего не сказал. Настроение Дигби меня никогда не занимало. Он выглядел как обычно.

– Нелепость! – воскликнула мисс Колтроп. – Дигби только что приехал – с чего бы ему опять куда-то мчаться? Тем более что деваться там некуда. Ты уверена, что он не упоминал тебе о своих намерениях?

– А если его куда-то позвали? – предположила Элизабет Марли.

– Позвали?! – резко повторила ее тетка. – Никто не знал об его приезде. Кто бы мог его позвать?

– Не знаю, просто предположила подобную возможность. Возвращаясь к машине, я услышала телефонный звонок.

– Вы уверены? – спросил Лэтэм.

– Почему вы постоянно уточняете, уверена ли я? Сами знаете, как там, на мысу: тишина, одиночество… Ночью звуки слышны издали. Говорю вам, я слышала, как звонил телефон!

Все притихли. Она была, конечно, права. Уж они-то знали, как там, на мысу. Тишина и одиночество поджидали их за порогом. В комнате было очень тепло, духота становилась невыносимой, но Селия Колтроп все равно поежилась.

Брайс, неуклюже сидевший на низком табурете перед камином, поддерживал огонь, упорно кидая в него корягу за корягой из корзины, как истопник в аду. Жадные языки пламени с шипением обвивали сырую древесину, каменные стены гостиной, казалось, истекали кровью. Дэлглиш подошел к окну и стал возиться со шпингалетами. Стоило ему распахнуть одну створку, в комнату ворвалась вихрем желанная прохлада, задравшая уголки ковра и принесшая шум морского прибоя. Оглянувшись, он услышал бесстрастный голос Реклесса:

– Предлагаю, чтобы кто-нибудь отвез домой мисс Кедж. У нее нездоровый вид. Сегодня я не стану утруждать ее беседой.

Девушка собиралась что-то возразить, но Элизабет Марли произнесла:

– Я заберу ее. Тоже хочу домой. Я только что после болезни, а этот вечер получился очень утомительным. Где ее пальто?

Все засуетились, радуясь возможности размяться, и чуть не стали вырывать друг у друга пальто Сильвии Кедж и ее костыли. Мисс Колтроп великодушно рассталась с ключами от своей машины, сказав, что дойдет до дому пешком, сопровождаемая, разумеется, Оливером и Джастином. Сильвия Кедж, поддерживаемая помощниками, захромала к двери.

Зазвонил телефон. Присутствующие в страхе застыли. Резкий звук, банальный, однако зловещий, принудил всех к молчанию. Мисс Дэлглиш подошла к телефону и сняла трубку, но вскочивший с места Реклесс забрал ее.

Разговор было не разобрать: Реклесс отделывался междометиями. Похоже, звонили из полицейского участка. Инспектор слушал и изредка что-то бурчал.

– Понятно, спасибо, – сказал он. – Утром я навещу его в «Сетон-Хаусе». Спокойной ночи.

Положив трубку, он повернулся к истомившейся компании, даже не пытавшейся скрыть тревогу. Дэлглиш полагал, что он всех разочарует, но этого не произошло.

– Мы нашли мистера Дигби Сетона, – произнес Реклесс. – Он позвонил в полицейский участок Лоустофта и сообщил, что вчера вечером попал в больницу, съехав на машине в канаву. Ранним утром его выпишут.

Мисс Колтроп первой разинула рот, чтобы задать возникший сразу у всех вопрос, но инспектор сам удовлетворил любопытство своей аудитории.

– Он утверждает, что ему позвонили в начале десятого и вызвали в полицейский участок Лоустофта для опознания тела брата. Звонивший сказал ему, что труп Мориса Сетона с отрубленными кистями прибило к берегу в шлюпке.

– Невероятно! – воскликнул Лэтэм. – Кажется, вы говорили, что тело нашли только сегодня под вечер?

– Если бы одно это, сэр! Никто вчера вечером из полиции Лоустофта не звонил. Никто не знал об участи Мориса Сетона, пока шлюпка с трупом не пристала к берегу сегодня вечером. Никто, за исключением, естественно, одного человека.

Он обвел присутствующих грустным взглядом, останавливаясь ненадолго на каждом лице. Никто не издал ни звука и не шелохнулся. Все замерли, ожидая вместе с остановившимся временем какого-то неизбежного катаклизма. Это был момент, для описания которого не существовало слов; он взывал к действию, к драматической развязке. Сильвия Кедж, словно стремясь сделать все от нее зависящее, со стоном выскользнула из рук Элизабет, пытавшейся поддержать ее, и шлепнулась на пол.

7

– Он умер в полночь во вторник, плюс-минус час, – доложил Реклесс. – Я делаю это предположение исходя из степени одеревенения и из общего вида трупа. Странно, если вскрытие установит иное время. Руки отрубили уже у мертвеца. Крови вытекло немного, тумбой для отрубания послужила, видимо, банка в шлюпке. Если мистер Брайс говорит правду и шлюпка действительно была на приколе в пять часов вечера в среду, его отправили в плавание через час, когда начался прилив. За топор взялись после наступления темноты. Раз так, он успел до этого пролежать мертвым часов восемнадцать, а то и более.

Где и как умер, не знаю. Но обязательно выясню.

Полицейские остались в гостиной втроем. Джейн Дэлглиш удалилась под предлогом приготовления для них кофе; теперь из кухни до слуха Дэлглиша долетало слабое позвякивание чашек. Остальные ушли десять минут назад. Чтобы привести Сильвию Кедж в чувство, не потребовалось много времени и хлопот. После того как она и Элизабет Марли скрылись за дверью, все пришли к согласию, что с волнениями вечера пора заканчивать. На гостей внезапно навалилась усталость. Когда Реклесс, черпавший, казалось, энергию в их утомлении и оживавший на глазах, принялся задавать вопросы о возможном орудии убийства, ответом ему было непонимание. Никто не мог вспомнить, имеется ли в его хозяйстве мясницкий нож или топор, где инструменты могут храниться и когда использовались в последний раз. Никто, кроме Джейн Дэлглиш. Но даже беззаботное признание мисс Дэлглиш, что из ее сарая несколько месяцев назад куда-то пропал топорик, ни у кого не вызвало интереса. Присутствующие устали. Теперь все, как перевозбудившиеся дети под конец праздника, хотели одного – попасть домой.

Реклесс заговорил о деле только после ухода мисс Дэлглиш. Этого следовало ожидать, но Адам поймал себя на том, что его раздражает очевидная причина опасений сыщика. Упрекать Реклесса в глупости или в бесчувственности не было оснований. Он обошелся без излишних предостережений и не стал дразнить Дэлглиша призывами к осторожности и к сотрудничеству: оба знали, что он вправе надеяться на то и на другое. Это было его расследование, он играл в нем главную роль и мог сам решать, какие элементы головоломки довести до сведения Дэлглиша, а какие скрыть, кому и что рассказать. Дэлглиш не был уверен, что ему понравится эта новая для него ситуация.

В комнате все еще было очень жарко. От огня осталась пирамидка белой золы, но жар, впитанный каменными стенами, ошпаривал лица, воздух был тяжелым. На инспектора это, впрочем, не действовало.

– Расскажите мне о людях, собравшихся здесь сегодня вечером, мистер Дэлглиш, – попросил он. – Все они называют себя писателями?

– Насколько я понимаю, Оливер Лэтэм причисляет себя к театральным критикам. Мисс Колтроп нравится называть себя романтической романисткой. Кем именует себя Джастин Брайс, я не знаю. Он издает литературно-политический ежемесячный журнал, основанный еще его дедушкой.

– Знаю! – удивленно воскликнул Реклесс. – «Мансли критикал ревю». Его почитывал мой отец. В те времена шесть пенсов – это были деньги для трудового человека. И журнал честно отрабатывал эти деньги. А теперь это то же либеральничанье, как в «Файнэншл таймс»: советы по капиталовложениям, обзоры книг, которые никто не хочет читать, всякие уютные интеллигентские соревнования… Разве на это проживешь?

Дэлглиш объяснил, что Брайс не зарабатывает на своем журнале деньги, а финансирует его из собственных доходов.

– Похоже, он из тех, кто не прочь прослыть чудаком, – определил Реклесс. – Вы согласны, Дэлглиш?

Вопрос был уместным. Когда расследуется убийство, уместно все, что касается характера подозреваемого, а в данном случае речь шла именно об убийстве. Но Адам почему-то разозлился.

– Не знаю, – буркнул он. – Вероятно, ему присуща некоторая двойственность.

– Он женат?

– Насколько мне известно, нет. Но мы, кажется, еще не дошли до автоматического зачисления в подозреваемые любого холостяка старше сорока лет?

Реклесс промолчал. Мисс Дэлглиш вернулась с полным подносом, и он с благодарностью принял чашечку кофе, хотя, судя по виду, не очень-то и хотел. Когда она вышла, Реклесс принялся шумно тянуть кофе, уставившись поверх чашки на акварель с шилоклювками на противоположной стене.

– Ох уж мне эти чудаки! – изрек он. – Не сказать чтобы склонный к насилию, но злобный народец. А это преступление совершено с особой жестокостью. Откуда взялась увечная секретарша, Дэлглиш?

Адам, чувствуя себя учеником на устном экзамене, спокойно ответил:

– Сильвия Кедж – сирота, живет одна в коттедже на Таннерс-лейн. Говорят, она отлично печатает и стенографирует. Работала в основном на Мориса Сетона, но мисс Колтроп и Брайс тоже часто обращаются к ней. Я мало знаю и о ней, и про остальных.

– Сейчас мне ваших познаний достаточно. А мисс Марли?

– Тоже сирота. Ее вырастила тетка. Она студентка Кембриджа.

– Все эти люди – друзья вашей тетки?

Дэлглиш замялся. Его тетя нечасто прибегала к слову «дружба», и он сомневался, чтобы она назвала многих на Монксмире своими друзьями. Но не так-то просто отречься от знакомства с людьми, подозреваемыми в убийстве. Поборов соблазн съязвить, что вся эта публика знает друг друга близко, хоть и недостаточно хорошо, он осторожно ответил:

– Лучше спросите ее саму. Это ведь маленькое изолированное сообщество. Им удается ладить.

– Но иногда они убивают четвероногих любимцев друг друга, – напомнил Реклесс и продолжил: – Они не слишком удручены случившимся. Ни слова сожаления за весь вечер! От писателей как-то ждешь небольшой изящной эпитафии…

– А горе мисс Кедж?

– Это было не горе, а шок. Клинический шок. Если ей завтра не полегчает, кому-то придется позаботиться, чтобы ее навестил врач.

Так и есть, подумал Дэлглиш. Шок – это и интересно! Вечерняя новость была шокирующей, но как должен отнестись к ней человек, для кого это не оказалось новостью? Обморок не выглядел поддельным и не позволял заподозрить вину.

Реклесс внезапно встал, посмотрел на свою пустую чашку и медленно поставил ее на поднос. Сержант Кортни, немного поколебавшись, поступил со своей чашкой так же. Похоже, они наконец собрались уходить. Но прежде чем Реклесс уйдет, нужно сказать ему кое-что еще. Поскольку это была простая информация,

важность которой пока была под сомнением, Дэлглиш злился на себя за медлительность. Пришлось напомнить себе, что предстоящие дни станут нелегкими и лучше не давать Реклессу шанса принуждать его к мрачному самокопанию.

– Вам надо знать кое-что об этой подложной рукописи, – отчеканил он. – Возможно, я не прав, материала для анализа пока маловато, но я узнал описание ночного клуба. Похоже на клуб Л. Дж. Льюкера «Кортес» в Сохо. Помните это дело? В 1959 году Льюкер застрелил своего партнера, его приговорили к смертной казни, а потом освободили после отмены приговора уголовным апелляционным судом.

– Я помню Льюкера, – протянул Реклесс. – Дело разбирал судья Бротуик. Клуб «Кортес» – удобное местечко, чтобы повесить на кого-нибудь убийство. На кого же его повесить, если не на Льюкера?

Он направился к двери, сопровождаемый неотрывной тенью – сержантом. Перед уходом оглянулся.

– Как я погляжу, нам повезло, что здесь оказались вы, мистер Дэлглиш.

В его устах это прозвучало как оскорбление.

8

Контраст между ярко освещенной комнатой и прохладной темнотой осенней ночи был разительный: всем показалось, будто они ухнули в яму. Когда за ними закрылась дверь коттеджа «Пентландс», Селия Колтроп испытала приступ безотчетной паники. Вокруг нее сомкнулась непроглядная ночь, она вдохнула темень и почувствовала ее тяжесть. Словно густой ночной воздух приобрел вес, и требовались усилия, чтобы сквозь него продраться. Было непонятно, в какую сторону идти, на какое расстояние. В непостижимой черной пустоте глухо и безрадостно звучал со всех сторон прибой, и она чувствовала себя заблудившейся путницей на затерянном берегу, которой грозят опасности. Когда Лэтэм посветил фонарем ей под ноги, земля выглядела нереальной и далекой, как лунная поверхность. Казалось невероятным, что человеческая нога может ступить на эту неверную почву. Селия Колтроп споткнулась

и потеряла бы равновесие, если бы Лэтэм с внезапной силой не схватил ее за руку.

Они побрели все вместе по тропинке, тянувшейся в глубь суши. Селия, не собиравшаяся возвращаться домой пешком, была в туфлях на высоких каблуках и постоянно поскальзывалась на морской гальке, усеивавшей тропу, или вязла в песке, после чего, подхваченная Лэтэмом, вертелась, как непослушная девчонка. Зато паника исчезла, глаза привыкли к темноте, с каждым шагом рев волн становился тише и безопаснее.

Еще больше облегчения принес Джастин Брайс, произнесший своим обычным блеющим голосом:

– Занятный недуг эта астма! Сегодняшний вечер – та еще травма, все же первая в жизни встреча с убийством, а самочувствие – лучше не придумаешь. При этом ужасный приступ во вторник произошел без малейшей причины. Хотя, конечно, реакция может последовать…

– Безусловно, – усмехнулся Лэтэм. – Особенно если Форбс-Денби не подтвердит ваше алиби на вечер вторника.

– Подтвердит, не сомневайтесь, Оливер! Не могу расстаться с мыслью, что его показания будут более вескими, чем все, что наговорит ваша ночная партнерша.

Селия Колтроп, которой их обычная пикировка вернула уверенность, зачастила:

– Нам так повезло, что здесь оказался Адам Дэлглиш! Он ведь нас знает. То есть знаком с нами. Он тоже пишет, а значит, Монксмир ему близок.

Лэтэм встретил ее рассуждения взрывом хохота:

– Если присутствие Адама Дэлглиша служит для вас утешением, то мне остается лишь позавидовать вашей способности к самообману! Сделайте милость, Селия, поведайте, как вы его воспринимаете? Как сыщика-джентльмена, занимающегося расследованиями ради удовольствия и обходительного с подозреваемыми? Или как профессионального Каррутерса со страниц кошмарных саг Сетона? Очнитесь, дражайшая Селия: Дэлглиш продаст нас

Реклессу с потрохами, если это сможет хотя бы чуть-чуть повысить его репутацию. Он самый опасный человек, какого я знаю.

Он опять расхохотался и еще сильнее сжал ее руку. Теперь Лэтэм делал ей больно, волочил ее за собой, как арестованную. Но у нее не хватало смелости освободиться. Тропинка стала шире, но все еще была усеяна кочками и рытвинами. Селия спотыкалась и скользила, каждый шаг давался с болью, лодыжки ныли, и не будь поддержки Лэтэма, ей пришлось бы встать на четвереньки. Это значило бы отстать, а остаться одна она хотела меньше всего.

– Знаете, Селия, а ведь Оливер прав, – пискнул ей Брайс чуть ли не в самое ухо. – Дэлглиш – профессиональный сыщик, наверное, из самых умных во всей стране. Не пойму, как два тома его стихов, которые лично я высоко ценю, могут что-то в этом поколебать.

– Но и Реклесс не дурак, – продолжил Лэтэм, явно забавляясь. – Заметили, как он, не говоря почти ни слова, умудрялся побудить нас к самовлюбленному детскому лепету? Похоже, он узнал о нас за пять минут больше, чем дал бы обыкновенный многочасовой допрос других свидетелей. И когда мы научимся держать рот на замке?

– Раз нам нечего скрывать, то это, по-моему, не так уж важно, – заметила Селия Колтроп. – Оливер весь вечер вел себя отвратительно, уж не выпил ли он?

– А вот и нет! – возразил Брайс. – Каждому есть что утаить от полиции. Отсюда наше двойственное отношение к ней. Подождите, Дэлглиш еще поинтересуется, почему вы постоянно говорили о Сетоне в прошедшем времени до того, как мы узнали, что нашли его труп. А вы говорили о нем именно так! Даже я обратил на это внимание, так что мимо внимания Дэлглиша это и подавно не прошло. Остается узнать, сочтет ли он своим долгом довести это до сведения Реклесса.

Но Селия была неробкого десятка, запугать ее Брайсу было не под силу.

– Не глупите, Джастин! – бросила она. – Я вам не верю. Если я и допустила подобную оплошность, то потому, наверное, что говорила о Морисе как о писателе. Почему-то у меня создалось впечатление, что как писатель бедняга Морис кончился уже давно.

– О да! – подхватил Лэтэм. – Скончался и предан земле. Исписался. Морис Сетон всего раз за всю жизнь написал достойную внимания прозу, зато от сердца. И из головы. Она произвела такое впечатление, как ему хотелось. Каждое слово попадало в цель, разило наповал.

– Вы имеете в виду его пьесу? – уточнила Селия. – Я думала, что вы ее не оценили. Морис всегда говорил, что своей рецензией вы погубили ее.

– Дорогая Селия, если бы мои рецензии обладали убойной силой, то половину пьесок, поставленных сейчас в Лондоне, снимали бы со сцены сразу после премьеры. – Он снова дернул ее за руку, увлекая за собой.

Джастин Брайс отстал от них. Желая их нагнать, он крикнул, задыхаясь:

– Мориса убили, наверное, вечером во вторник. А тело отправили в плавание поздно вечером в среду. Как же преступник доставил его на Монксмир? Вы приехали из Лондона как раз в среду. Он, случайно, не лежал в багажнике вашего «ягуара»?

– Вот уж нет, – отмахнулся Лэтэм как ни в чем не бывало. – Я не вожу в багажнике своего «ягуара» невесть что.

– Я тоже ни при чем, – заявила Селия. – Сильвия обеспечит мне алиби до позднего вечера во вторник, а это, очевидно, критическое время. Да, вечер среды я провела одна, но не заподозрит же меня Реклесс в кромсании трупа! Кстати, единственный человек, не пытавшийся предъявить алиби за вечер вторника, – Джейн Дэлглиш. И между прочим, топорик принадлежит ей!

– Господи, зачем мисс Дэлглиш было убивать Сетона?

– А нам зачем? – не уступала Селия. – Заметьте, я не утверждаю, что это она. Просто топорик ее.

– А у меня в свое время возникло такое желание, – беззаботно сознался Брайс. – Я об убийстве Сетона. Найдя мертвую Арабеллу, я был готов прикончить его. Но удержался. Сейчас я все равно не нахожу в себе жалости к нему. Поэтому я подумываю попросить показать мне тело после его осмотра коронером. Может,

хотя бы это излечит меня от нездоровой бесчувственности.

Но Лэтэм все еще размышлял о пропавшем топорике.

– Его мог прихватить кто угодно! – воскликнул он. – Мы все здесь бродим по соседским домам, как нам вздумается. Запирать двери у нас не принято. Между прочим, ясности с орудием убийства пока нет.

– Дорогие мои, успокойтесь, – произнес Брайс. – Помните: пока не выяснена причина смерти, нет даже уверенности, что Мориса убили.

9

Оставшись одна у дверей коттеджа «Розмари», Селия Колтроп проводила взглядом две фигуры, исчезнувшие в темноте. Фальцет Джастина и смех Лэтэма еще долго доносились до ее слуха. В коттедже не горел свет, гостиная пустовала. Значит, Элизабет легла спать. Быстро же она примчалась домой от коттеджа «Дубильщик»! Ее тетка не знала, радоваться этому или печалиться. С одной стороны, она не отказалась бы сейчас от компании, но с другой – не выдержала бы вопросов, тем более спора. Необходимое обсуждение приходилось отложить: она слишком устала.

Селия включила настольную лампу, опустилась перед потухшим камином на колени и поворошила кочергой золу. Потом, с трудом выпрямившись, с кряхтением, как старуха, села в кресло. Напротив зияло жалкой пустотой такое же кресло, тоже заваленное мягкими подушками. В нем памятным октябрьским днем шесть лет назад сидел Морис. Тогда, в день коронерского осмотра, окна сотрясались от порывов холодного ветра с дождем. В камине трещал огонь. Она ждала его, приготовила комнату. Огонь в камине и единственная неяркая лампа отражались, как и было задумано, полированной мебелью красного дерева, розовые и синие оттенки подушек и ковров тонули в мягкой тени. Поднос с напитками находился под рукой. Ничего не было оставлено на волю случая. Она ждала его напряженно, как девушка первого свидания. Платье из мягкой серо-голубой шерсти стройнило и молодило ее. Оно и теперь висело в шкафу. С тех пор Селия ни разу не надевала его. Он уселся тогда напротив нее, одеревеневший, весь в черном, траурном – маленький смешной человечек в черном галстуке, с нарукавной повязкой, с неподвижным от горя лицом. Но она не поняла тогда, что Морис горюет:

как можно было оплакивать это пустое самовлюбленное чудовище, эту нимфоманку? Конечно, он не мог избежать шока: ему сказали, что Дороти погибла, утопилась. Морис прошел через ужас опознания выуженного из воды трупа, коронерского осмотра, белых, осуждающих лиц. Заранее знал, что они скажут: это он довел жену до самоубийства. Неудивительно, что он выглядел потрясенным и больным. Но горе? Ей как-то не приходило в голову, что он может ее оплакивать. Она почему-то считала само собой разумеющимся, что в глубине души Морис испытывает облегчение от того, что настал конец его многолетним мучениям, самоконтролю, что он может начать жить заново. Рядом с ним будет теперь она, готовая помочь, как помогала своим сочувствием и советом при жизни Дороти. Морис – писатель, творческий человек, нуждается в нежности и в понимании. Отныне он расстанется с одиночеством.

Теперь Селия не знала, любила ли его тогда. Трудно было вспомнить. Вероятно, это не было той любовью, какой она ее представляла. Но все равно она подошла совсем близко к этому желанному, ускользающему, наполнявшему ее воображение катаклизму. Почти в сорока своих романах Селия подделывала любовь, но подлинной монеты у нее никогда не водилось.

Сейчас, сидя перед холодным камином, она вспоминала ту секунду, когда узнала правду, и у нее пылали щеки. Неожиданно Морис заплакал – со всхлипами, как ребенок. В тот момент все притворство было забыто, осталась лишь жалость. Селия стояла перед ним на коленях, обнимая его голову, шептала слова утешения и любви. И вот тогда случилось ЭТО. Он весь напрягся и отпрянул, посмотрел на нее, тяжело дыша, и Селия увидела его лицо. На нем было написано все: сострадание, смущение, отчасти страх и то, что было труднее всего принять, – физическое отвращение. Она увидела себя его глазами. Морис скорбел по стройному, веселому, прекрасному существу; а некрасивая немолодая женщина выбрала именно этот момент для того, чтобы броситься в его объятия… Он, конечно, взял себя в руки и ничего не сказал. Даже пугающие всхлипы оборвались коротким «ах», как у ребенка, получившего вдруг конфету. Селия думала, что лучший способ преодолеть горе – испугаться за себя самого. Тогда она, забыв об изяществе, с горящим лицом шлепнулась в свое кресло. Морис пробыл у нее столько, сколько требовала вежливость. Она наполняла ему бокал, слушала его сентиментальные воспоминания о жене – Боже, ну и дурень, что за короткая память? – изображала интерес к его планам длительного отдыха за границей с целью «попытаться забыть». Только через полгода Морис счел возможным снова побывать в коттедже «Розмари»; еще позже до него стало доходить, что Селия не возражает, чтобы он появлялся с ней на людях. Перед отъездом на долгий отдых он письменно уведомил ее,

что теперь она упомянута в его завещании «в благодарность за сочувствие и понимание после смерти его ненаглядной жены». Понимания у нее было не отнять: именно такой грубый, бесчувственный жест он считал наиболее подходящим способом извиниться. Однако первой ее реакцией была не злость или унижение; ей просто стало любопытно, сколько он ей отписал. С тех пор ее любопытство неуклонно возрастало, а теперь вопрос приобрел завораживающую безотлагательность. Речь могла идти о какой-то сотне, а могла и о тысячах, о целом состоянии. Недаром Дороти слыла состоятельной женщиной, а у Мориса не было других наследников. Со сводным братом он никогда особенно не ладил, а в последнее время они еще больше разошлись. Кроме того, разве Морис не являлся ее должником?

На ковер легла полоска света из прихожей. Элизабет Марли молча вошла в комнату – босая, в мерцающем в полутьме красном халате. Сев в кресло напротив тетки, она вытянула ноги к камину, пряча лицо в тени.

– Я слышала, как вы вошли. Принести вам что-нибудь? Может, теплого молока?

Тон племянницы был нелюбезный, неуклюжий, как она сама, но предложение прозвучало неожиданно, и мисс Колтроп была тронута.

– Нет, спасибо, милая. Пойди ляг, а то простудишься. Я сама принесу тебе наверх попить.

Элизабет не шелохнулась. Мисс Колтроп снова бросилась на камин с кочергой наперевес, и на сей раз из пепла вырвался язык пламени, руки и лицо лизнуло желанное тепло.

– Ты благополучно довезла Сильвию до дому? Как она?

– Не очень хорошо, в общем, как всегда.

– После вашего отъезда я подумала, не лучше было бы настоять, чтобы она заночевала здесь. У нее был совсем больной вид. Напрасно мы оставили ее одну.

Элизабет пожала плечами.

– Я говорила ей, что до приезда новой компаньонки у нас есть свободная кровать и мы будем рады оказать ей гостеприимство, но она отказалась. Когда я попробовала настоять, Сильвия разнервничалась, и я от нее отстала. Ей ведь уже тридцать лет, верно? Не ребенок. Не могла же я ее заставить?

– Разумеется, нет. – Селия Колтроп склонялась к мнению, что племяннице не хотелось оставлять Сильвию в доме. По ее наблюдениям, большинство женщин проявляло к бедняжке меньше сочувствия, чем мужчины. Элизабет не делала из своей неприязни секрета.

– Что было после нашего отъезда?

– Ничего особенного. Кажется, Джейн Дэлглиш решила, что его могли убить ее топориком, который пропал три месяца назад.

– Инспектор Реклесс объяснил вам, что убийство совершено именно этим способом?

– Нет, но…

– Значит, мы по-прежнему не знаем, как он умер. Его могли умертвить дюжиной разных способов, а кисти отсечь позднее. По-моему, так оно и было. А то как же это сделать, пока жертва жива и в сознании? Инспектор Реклесс наверняка знает, так все произошло или как-то иначе. Верный признак – количество вытекшей крови. Кроме того, он должен даже без судмедэксперта знать время наступления смерти с точностью до часа.

– Он, должно быть, умер вечером во вторник, – произнесла Селия. – Во вторник с ним что-то стряслось. Морис ни за что не ушел бы из клуба просто так, никому ничего не сказав, чтобы переночевать неизвестно где. Он погиб вечером во вторник, когда мы с Сильвией находились в кино.

Она говорила уверенно. Раз ей хотелось, чтобы так было, значит, так должно быть. Мориса не стало вечером во вторник, а у нее на это время имелось твердое алиби.

– Надо же было Джастину и Оливеру оказаться в тот вечер в городе! Какая неудача! – продолжила Селия. – У них есть, конечно, алиби. Но все равно, как неудачно!

– Я во вторник вечером тоже была в Лондоне, – тихо промолвила Элизабет. – Я знаю, что вы хотите сказать: мне полагалось находиться в Кембридже, болеть и соблюдать постельный режим. Но меня подняли раньше, чем я вам рассказывала. Утром во вторник я первым скорым поездом доехала до станции «Ливерпуль-стрит». У меня был назначен ленч кое с кем, вы этого человека не знаете. Он из Кембриджа, но переселился в Лондон. На встречу он не пришел. Оставил сообщение – очень вежливое, что, мол, сожалеет и прочее… Жаль, ведь в том месте, где мы должны были встретиться, нас знают, и мне не доставило никакого удовольствия соболезнование метрдотеля. Я не удивилась. Все это не стоит выеденного яйца, просто не хочу, чтобы Оливер и Джастин сплетничали о моих делах. Реклессу я тоже не вижу причин все выкладывать, пусть сам выясняет.

«А мне ты все выложила!» – подумала Селия, испытав прилив счастья. Хорошо, что они сидели в полутьме, и племянница не могла разглядеть выражение ее лица. Впервые Элизабет была с ней по-настоящему откровенна. Счастью сопутствовала мудрость. Справившись как с первым побуждением – утешить, так и со вторым – засыпать вопросами, она сказала:

– Не уверена, дорогая, что ты поступила разумно, проведя в Лондоне целый день. Ты пока недостаточно окрепла. Правда, тебе это не навредило. Чем ты занималась после ленча?

– Работала до вечера в Лондонской библиотеке, а потом отправилась в кино на сеанс хроники. Было уже поздно, и я решила переночевать в городе. Поела в «Лайонс» на Ковентри-стрит и сняла номер в отеле «Вальтер Скотт» в Блумсбери. Часть вечера я посвятила прогулке по Лондону. Забрала ключи и поднялась к себе в номер около одиннадцати часов.

– Значит, тебя опознает портье! И в «Лайонсе» тебя скорее всего запомнили. Но ты правильно сделала, что пока умолчала об этом. Это твое личное дело. Теперь надо подождать, пока не станет известно время смерти. Потом разберемся, что делать дальше.

Селии трудно было скрыть свое счастливое настроение. Именно этого ей всегда хотелось: беседовать с Элизабет, строить совместные планы. Ее просили, пусть окольным путем, нехотя, о поддержке и совете. Странно, что для их сближения потребовалась смерть Мориса…

– Я рада, что неудача со свиданием тебя не огорчила! – выпалила она. – Нынешние молодые люди понятия не имеют о хороших манерах. Не смог позвонить хотя бы накануне – изволь исхитриться и быть на месте вовремя. Теперь ты по крайней мере знаешь, с кем имеешь дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/fillis-dzheyms/neestestvennye-prichiny

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити